





**Библиотека драматургии  
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Ульяна  
Гицарева**

---

**Антарктида**

---

Памяти журналиста  
Юрия Ивановича Ключникова,  
который никогда не был  
в Антарктиде

***ФТМ***

УДК 82-2  
ББК 84(2Рос)-6  
Г51

*Файл книги для электронного и PoD-издания  
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

**Гицарева, У. Б.**

**Г51**     Антарктида : Пьеса / Ульяна Гицарева. — М.:  
Агентство ФТМ, Лтд., 2017. — 60 с. (Библиотека дра-  
матургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2540-3

Пытаясь найти себя, Левон отправился в Антарктиду работать на полярной станции. Там он познакомился с исследователем Петром Георгиевичем Ключниковым, бывшим испытателем парашютов отцом Александром и псом Мишкой. Однажды сейсмограф уловил движение земной коры в южной части Турции. Ключников испугался, что начались испытания ядерного оружия, и вместе с Левоном решил отправиться на подстанцию, чтобы проверить данные. По дороге у них ломается транспорт, и опасный путь обратно к базе они должны будут преодолеть пешком.

ISBN 978-5-4467-2540-3

© Текст. Гицарева У. Б., 2017

© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

## **Действующие лица**

**Левон.**

**Петр Георгиевич Ключников.**

**Отец Александр.**

**Мишка, якутская лайка.**

**Старуха, англичанка.**

**Радио.**

*Действие происходит в середине 90-х годов XX века  
на территории антарктической станции  
«Молодежная».*

## Запись 1

**Левон.** Каждое лето я ездил на велосипеде на Байкал. На дорогу с Урала уходил ровно один велосипед. Назад — на поезде. В конце поездки я закапывал его в землю как выдохшегося коня. Сдавать в утиль стыдно. Не по-товарищески. По дороге спал на деревьях в детской палатке. Так безопаснее и от зверя, и от человека. Детская весит меньше.

Только на велосипеде понимаешь, как мало тебе нужно вещей, чтобы жить. Чем меньше, тем легче жить. И так четыре лета подряд, каждый раз новой дорогой. Я думал, что прав. Что я езжу в свой личный космос, потому что только на дороге и в космосе ты — нигде. А быть нигде очень важно для человека, чтобы быть кем-то. Не забывать, что ты кто-то. Потому что, когда много вещей, людей и домов, то приходится все время называть их, думать о них. А называть себя забываешь.

Тут пустота... Только я, велосипед и дорожная пыль. Велосипед красный, чтобы не теряться в пыли.

Я — сильный. Меня зовут Левон. Мне двадцать лет. Я верю своим ногам, я верю своим рукам. Я — есть. Солнце видит меня, дорога видит меня. Я слышу свое дыхание...

Четыре раза я думал, что прав, а на четвертый раз я встретил дядю Колю. Дядя Коля теоретически идеален. Он живет в Куликах, это край земли, у него толстые щеки и былинная борода. У него толстая жена Светочка с большой бородавкой на указательном пальце. У него толстые коровы и поросята. И толстый телевизор «Шарп» в углу залы, обшитой даже по стенам половиками. Он идеален.

Для своей идеальности он сделал две вещи. Первая — поселился в доме на краю земли, в котором он принимает сумасшедших дорожных путников по сотне в год. Они же просто святые люди без гроша за душой! То есть дядя Коля кормит святых пирогами своей жены Светочки и молоком своих коров Маркизы и Мадонны. А кормящий святого, разве сам не свят?

Вторая вещь — он смастерил бочку три на три метра, с кроватью и форточкой. Залез в эту бочку, заняв два квадратных метра своим огнедышащим телом, и поплыл до китайской границы. Мысль дяди Коли была проста: бочке не нужно управление. В конечном счете каждым капитаном корабля управляет Бог. Зачем тогда нужны эти посредники — корабль, штурвал и капитан? Пусть Бог напрямую правит бочкой дяди Коли. Так дядя Коля залез в бочку, оттолкнулся черенком лопаты от берега. А Светочка,

которая прожила с дядей Колей сорок лет, родила ему двоих детей Артема и Аленку, проживающих нынче в славном городе Новосибирске и исправно звонящих родителям в свои и их дни рождения, стояла на берегу. Стояла и скулила по-бабьи, как будто ее в бок кто сапогом пнул. Боялась остаться в Куликах одна с Мадонной, Маркизой и поросятами. Ну, или любовь у нее... Любовь тоже никто не отменял... Ведь недаром у дяди Коли в сарае хранится голова его возлюбленной Светочки, которую он состряпал из муки и соли двадцать лет назад к юбилею их свадьбы. А у Светочки на шее всегда, даже когда она встает в пять утра доить Маркизу и Мадонну, болтается медальон с дяди-Колиной фотографией, где он бравый, бритый и стройный. Ровно такой, каким она видит его до сих пор... Но не про любовь я сейчас, а про бочку.

Так вот отплыл он в бочке, но поскольку на реке был абсолютный штиль, проболтался он пару суток у берега, пока не закончилась завернутая в полотене жаренная Светочкой курица и его не выловили милиционеры. Потому что нельзя плавать без руля. Аварийная ситуация на воде может случиться. А про Бога они не слушали. В Бога они не верили, ибо есть законы наземные и наводные, а небесные им неведомы.

Дядя Коля знак Божий, а именно «Займись землей, раб Николай», понял и пошел тогда по краю Байкала собирать бутылки. Две тысячи за двое суток собрал и выложил ими у себя на огороде очертания материка

Евразия, которые — он оптимистично полагал — совпадают с очертаниями Советского Союза. Снял это на камеру, подаренную Артемом и Аленкой, и послал в «Сам себе режиссер». На фоне бутылок они со Светочкой и «Вам слабо?» громко и дружно сказали. Победили. Выигранный видеоманитофон просили в детский дом отправить. Те не отправили, конечно. Но в местной газете дядю Колю «санитаром Байкала» называли, и все равно было приятно. Заметку он вырезал и в рамку рядом с портретом Федора Конюхова у изголовья повесил.

Так вот, приехал я к идеальному дяде Коле. Он и кормил, и поил меня, как святого, потом спросил, буду ли я о нем писать. А как узнал, что не буду, обиделся. И долго мне о самобытности говорил, которую он сохраняет и через это намерен прославиться на весь наш поломанный Союз. А на прощание сказал, что жениться мне надо. Что двадцать лет мои меня уже поджимают, и не по дороге без цели на красном велосипеде надо слоняться, а детей честной и зеленоглазой делать, чтобы потом переехали они в славный Новосибирск и звонили мне исправно по праздникам. И дорогу дальше подсказал, магазины продуктовые по дороге сулил. Я три дня тащился по путям. Один заколоченный досками киоск с надписью «...дукты» встретил, где дажедохлой полевки не продавалось.

Так вот, когда я жрал мох и сырой, слава богу, коричневый гриб и проклинал дядю Колю и жену его Светочку, коров обеих и поросят каждого

по отдельности, тогда я понял, что дорога — это не космос, а только космосозаменитель. И я — не Левон еще, а только Левонозаменитель. Что нет меня в городе, а на дороге только тень моя. А сам я есть только в одном месте на свете.

Вот что человек? Только точка. А точка лучше всего видна на белом листе.

Так я поехал в Антарктиду.

## **Запись 2**

**Клюшников.** Левка, сукин ты сын! Дыши ровнее! Ды-ши ров-не-е! Я топлю уже руками! Видишь, топлю тебе лед! Выпьешь. Сейчас выпьешь! Барометр ты не смотрел что ли? Больше пятидесяти — нельзя без запаса воды! Все ж жилы вытянет. Не психуй! Дыши, Лева... Пей! Зубы-то разожми! Я тебе чё, мать родная зубы разжимать... А... Ну-ну. Давай сам.

**Левон.** ...Спасибо...

**Клюшников.** Пей еще! Отошел? Чуешь? Давление, как у трупа, поди. Дай руку! Точно! Не геройствуй тут мне... Это, мать твою, не Тбилиси тебе... Ветер сорок узлов.

**Левон.** Я с Урала...

**Клюшников.** И не Урал, мать твою! Нечего мне тут жаркими странами хвастаться! Это Антарктида, Лева. Не натопил воды, не суйся на улицу.

**Левон.** Показания надо было снять. Преспал.